носову приходится вспомнить призвание князей, довести воспоминание до Куликовой битвы, оборвать (141—142) перечень:

Молчу заслуги, что недавно
Чинила царска мне любовь,

чтобы не раздавить регентшу непосильными сравнениями, и свести отступление к принужденному переходу:

Оттуду ж нынь взошло светило,
Откуду прежне счастье было

с географической натяжкой (Брауншвейг и Скандинавия!). Недаром в этой оде даже язык изменяет Ломоносову на каждом шагу; нет строфы без прозаизмов, либо неправильных, либо принужденных оборотов.

Ну, где же твой кичливый нрав?...
Исчезли все затеи лишны...
Что я пою воински звуки,
Которы быть хотят потом?...[1]

и т. д. Ни одной яркой строфы. Вся ода скучна и прозаична. Нет единой концепции. Отдельные, плохо связанные одические темы. Тем не менее, можно на оде, написанной нехотя, проследить некоторые методы работы Ломоносова. Чужое, в значительном и талантливом произведении претворенное и функционально подчиненное новой цели, выступает отчетливее в произведении, которое, в сущности, не переросло творческой стадии черновика.

Когда у Малерба, в оде 1596 г. на взятие Марсели Генрихом IV, за падением непокорного феодала Казо следует пророчество о завоевании Востока, это естественный и понятный ход мыслей. Пал Казо, cet effroyable colosse, пять лет державший Марсель в своих руках; теперь город взят герцогом Гизом, губернатором Прованса, и возвращен королю (à son juste possesseur); естественная мысль: теперь в руках короля база для осуществления давних ближневосточных планов французских королей. Отсюда последняя строфа: «уже мавританский народ — услышал про это чудо, — и до обоих Босфоров — донеслась о нем весть. — О нем знают все равнины, — омываемые Индом и Ефратом, — и уже бледнея от ужаса, — Мемфис мнит себя в плену, — видя, что так близок

[1] Вероятно, неудачный грецизм (τὰ μέλλοντα).